20 5/38

20 5/38

95
2 ом

ЖИЗНЬ СВ. ДОСИѲЕЯ

И

ДВА ПОУЧЕНІЯ

ПРЕПОДОБНАГО АВВЫ ДОРОѲЕЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1856.

Р 110/519

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

3351-04

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Декабря 31 дня, 1855 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Академіи Инспекторъ *Архимандритъ Сергій.*

2004031375

Посланіе о книгѣ сей къ брату, просившему, чтобы прислали ему найденныя слова преподобнаго Отца нашего Аввы Дороѳея, которому и похвала здѣсь содержится съ краткимъ его жизнеописаніемъ, и разсказъ о жизни Аввы Досиѳея.

Хвалю твое усердіе, ублажаю твою благословенную и поистинѣ добролюбивую душу за тщаніе о благомъ, многолюбезный братъ. Ибо такъ трудолюбиво испытывать и искренно хвалить сочиненія и дѣла блаженнаго поистинѣ и Богодостойнаго Отца нашего, дару Божію тезоименитаго, значитъ хвалить добродѣтель, любить Бога и заботиться объ истинной жизни. Похвала, по словамъ блаженнаго Григорія, раждаетъ соревнованіе, соревнованіе же добродѣтель, а добродѣтель — блаженство. И такъ должно радоваться и сорадоваться поистинѣ таковому твоему преуспѣянію; ибо ты сподобился послѣдовать стопамъ того, который подражалъ кроткому и смиренному сердцемъ, который, послѣдуя душевному самоотверженію Петра и прочихъ учениковъ Христовыхъ такъ отвергнулъ отъ себя пристрастіе къ видимымъ вещамъ и такъ предалъ себя дѣламъ, угоднымъ Богу, что и онъ, какъ я твердо знаю, могъ со дерзновеніемъ сказать Спасителю: *се мы оставихомъ ѳя и въ слѣдъ тебе идохомъ* (Мат. 19, 27). Отъ того и *скончався въ малѣ* съ Богомъ *исполни лѣта долга*

(Прем. 4, 13). Не въ видимыхъ пустыняхъ и горахъ пребывалъ онъ, и не полагалъ великимъ имѣть власть надъ дикими звѣрями, но онъ возлюбилъ душевную пустыню и желалъ приблизиться къ горамъ вѣчнымъ, дивно просвѣщающимъ и наступать на душегубительныя главы мысленныхъ змѣй и скорпіоновъ. Сихъ вѣчныхъ горъ онъ вскорѣ и сподобился достигнуть, съ помощію Христовою, страдальческимъ отсѣченіемъ своей воли; а отсѣченіе своей воли открыло ему непогрѣшительный путь св. Отцевъ, который показалъ ему блаженное оное бремя легкимъ, и спасительное и благое иго поистинѣ благимъ. Отсѣченіемъ же своей воли онъ научился лучшему и дивному способу возвышенія— смиренію, и принятую отъ святыхъ Старцевъ заповѣдь: «будь милостивъ и кротокъ» исполнилъ на самомъ дѣлѣ, а чрезъ сіе украсился всѣми добродѣтельми. Блаженный всегда носилъ во устахъ оное старческое изреченіе: «достигшій отсѣченія своей воли достигъ мѣста покоя.» Ибо онъ, старательно испытавъ, нашелъ, что корень всѣхъ страстей есть самолюбіе. *) На сіе же самолюбіе, раждающееся отъ сладостно-горькой нашей воли, наложивъ такое дѣйствительное лекарство (т. е. отсѣченіе воли), онъ (вмѣстѣ) съ корнемъ заставилъ увянуть и лукавыя отрасли, содѣлался истымъ воздѣлателемъ безсмертныхъ плодовъ и пожалъ истинную жизнь. Усердно поискавъ сокровенное на селѣ сокровище (Мат. 13), найдя и усвоивъ его себѣ, онъ обогатился поистинѣ, получивъ богатство неистощимое. Я желалъ бы имѣть

*) Въ Греческой книгѣ прибавлено: т. е. любовь къ успокоенію своего тѣла.

достаточную силу слова и мысли, чтобы сподобиться изложить по порядку и святое житіе его, на общую пользу, въ очевидный примѣръ добродѣтели, показавъ, какъ онъ шелъ тѣснымъ и вмѣстѣ пространнымъ, преславнымъ и блаженнымъ оныимъ путемъ. Ибо тѣснымъ называется путь сей потому, что идетъ неуклонно и нераздвоясь держится между двухъ скользкихъ стремнинъ,— какъ Божій другъ и Великій по истинѣ Василій объясняетъ тѣсноту прискорбнаго и спасительнаго пути. А пространнымъ путь сей называется по причинѣ безпристрастія и свободы шествующихъ по немъ, ради Бога, и особенно по высотѣ смиренія, которое одно только, какъ сказалъ Антоній Великій, бываетъ выше всѣхъ сѣтей діявольскихъ. Поэтому и на немъ (преподобномъ Дороѳеѣ) поистинѣ исполнилось оное изреченіе: *широка заповѣдь твоя зѣло* (Псал. 118, 96). Но сіе, какъ невозможное для меня, я оставляю, хорошо зная, кромѣ всѣхъ другихъ добрыхъ свойствъ блаженнаго, и то, что онъ, подобно мудрой пчелѣ, облетая цвѣты, и изъ сочиненій свѣтскихъ философовъ, когда находилъ въ нихъ что-либо, могущее принести пользу, то безъ всякой лѣности въ приличное время предлагалъ въ поученіи, говоря между прочимъ: «ничего въ излишествѣ,» «познай самаго себя» и тому подобные душеполезные совѣты, къ исполненію которыхъ побуждаетъ меня, какъ было сказано, если не благоразумное произволеніе, то невольное мое безсиліе. А что мнѣ повелѣла ваша усердная и добролюбивая душа, то я смѣло и сдѣлалъ, устрашаяся тяжести преслушанія и боясь наказанія за лѣность, и съ симъ писаніемъ послалъ вамъ, благоразумнымъ о Богѣ торжникамъ, лежащій у меня безъ дѣйствія талантъ,

т. е., найденныя поученія сего блаженнаго: и тѣ, которыя онъ сподобился принять отъ своихъ Отцевъ, и тѣ, которыя онъ самъ предалъ своимъ ученикамъ, творя и уча по примѣру нашего истиннаго Наставника и Спасителя. Хотя и не всѣ слова сего Святаго могли мы найдти, но только очень не многія, и тѣ были (сперва) разсѣяны по разнымъ мѣстамъ, и уже по устроенію Божію собраны нѣкоторыми ревнителями; но довольно будетъ предложить и сіе малое для правомыслія разума твоего, по сказанному: *даждь премудрому вину и премудрѣйшій будетъ* (Притч. 9, 9.). Каковъ былъ блаженный Дороѳей, къ цѣли иноческаго житія по Богу наставляемый, и согласно намѣренію и житіе воспріявшій, — я воспоминаю умомъ своимъ. Въ отношеніи къ духовнымъ Отцамъ своимъ онъ имѣлъ крайнее отреченіе отъ вещей и искреннее повиновеніе по Богу, частое исповѣданіе, точное и неизмѣнное (храненіе) совѣсти, и въ особенности несравненное, разумное *) послушаніе, будучи во всемъ ономъ утверждаемъ вѣрою и усовершаемъ любовію. Въ отношеніи къ подвизавшейся съ нимъ братіи (онъ имѣлъ): стыдливость, смиреніе и привѣтливость безъ гордости и дерзости, а болѣе всего—добродушіе, простоту, неспорливость, — корни благоговѣнія и доброжелательства, и сладчайшаго паче меда единодушія—матери всѣхъ добродѣтелей. Въ дѣлахъ же, — усердіе и благоразуміе, кротость и спокойствіе, признакъ добраго нрава. Относительно вещей въ немъ были: заботливость, опрятность, рачительность безъ пышности, согласіе съ другими, Божественнымъ разсужденіемъ (управляемое),

*) Въ Слав. «въ разумѣ.»

а прежде всего и выше всего—смиреніе, радость, долготерпѣніе, любовь къ чистотѣ, внимательность и поучительность. Но кто началъ бы вычислять все подробно, тотъ уподобился бы желающему исчислить дождевыя капли и морскія волны, да и никто не долженъ, какъ я сказалъ прежде, рѣшаться на дѣло, превышающее его силы. Лучше предоставлю вамъ сіе пріятное изслѣдованіе, и вы конечно насладитесь имъ и поймете, отъ какой жизни и отъ какого блаженнаго пребыванія Божественнымъ промышленіемъ, все ко благу устрояющимъ, приведенъ былъ къ поученію и попеченію о душахъ сей милосердый и сострадательный Отецъ, поистинѣ достойный учить и просвѣщать души, великій въ разумѣ и величайшій въ простотѣ, великій въ мудрости и большій въ благоговѣніи, высокій въ видѣніи и высочайшій въ смиреніи, богатый по Богу и нищій духомъ, словомъ сладкій и сладчайшій въ обращеніи, искусный врачь для каждой болѣзни и каждаго врачеванія. Онъ, сообразно съ дарованіемъ, исполнялъ оное святое и мироносное служеніе равнымъ образомъ въ отношеніи къ богатымъ и нищимъ, мудрымъ и невѣждамъ, женамъ и мужамъ, старцамъ и юнымъ, скорбящимъ и радующимся, чужимъ и своимъ, мірскимъ и монахамъ, властямъ и подвластнымъ, рабамъ и свободнымъ. Онъ всѣмъ постоянно былъ все и пріобрѣлъ очень многихъ. Но уже пора, возлюбленный, предложить тебѣ сладкую трапезу отеческихъ словъ, которой каждая часть и изреченіе, даже самое малѣйшее, приноситъ не малую пользу и пріобрѣтеніе. Ибо хотя Божественный оный и дивный мужъ и высокъ былъ по дару слова, но, желая по заповѣди снизойдти и въ этомъ и явить собою примѣръ смиренномудрія,

онъ предпочиталъ вездѣ смиренный и простой образъ выраженія и невитіеватость рѣчи. Ты же, найдя наслажденіе, достойное твоего блаженнаго и искренняго раченія, радуйся и веселись, и подражай жизни тобою достойно вожделѣннаго, моля Владыку всѣхъ и о моемъ неразуміи. Сперва же скажу я вкратцѣ о блаженномъ Отцѣ Досиѳеѣ, который былъ первымъ ученикомъ святаго Аввы Дороѳея.

Сказаніе о блаженномъ Отцѣ Досиѳеѣ, ученикѣ святаго Аввы Дороѳея.

Блаженный поистинѣ Авва Дороѳей, возлюбивъ иноческое по Богу житіе, удалился въ киновію *) Отца Серида, гдѣ нашелъ многихъ великихъ подвижниковъ, пребывавшихъ въ безмолвіи, изъ коихъ превосходнѣе всѣхъ были два великіе Старца, святый Варсануфій и его ученикъ и сподвижникъ Авва Іоаннъ, названный пророкомъ по дару прозорливости, который онъ имѣлъ отъ Бога. Имъ предалъ себя святый Дороѳей въ повиновеніе съ полною увѣренностію и съ великимъ Старцемъ бесѣдовалъ чрезъ святаго отца Серида; Отцу же Іоанну пророку сподобился и послужить. Вышеупомянутые святые Старцы нашли нужнымъ, чтобы преподобный Дороѳей устроилъ больницу и, помѣстившись тамъ, самъ имѣлъ о ней попеченіе, ибо братія очень скорбѣли о томъ, что, впадая въ болѣзни, не имѣли никого, пекущагося о нихъ. И такъ онъ, съ помощію Божіею, устроилъ больницу, при пособіи роднаго брата своего,

*) Киновія—общежительный монастырь.

который снабдилъ его всѣмъ нужнымъ для ея устройства, потому что былъ мужъ весьма Христолюбивый и монахолюбивый. И такъ Авва Дороѳей, какъ я сказалъ, съ нѣкоторыми другими благоговѣйными братіями служилъ больнымъ и самъ, какъ начальникъ больницы, имѣлъ надзоръ надъ симъ заведеніемъ. — Однажды послалъ за нимъ и призвалъ его къ себѣ Игуменъ Авва Сериѳъ. Войдя къ нему, онъ нашелъ тамъ нѣкотораго юношу въ воинской одеждѣ, весьма молодаго и красиваго собою, который пришелъ тогда въ монастырь вмѣстѣ съ людьми князя, любимыми Отцемъ Сериѳомъ. Когда Авва Дороѳей вошелъ, то Авва Сериѳъ, отведя его въ сторону, сказалъ ему: «эти люди привели ко мнѣ сего юношу, говоря, что онъ хочетъ остаться въ монастырѣ и быть монахомъ, но я боюсь, не принадлежитъ ли онъ кому-нибудь изъ вельможъ, и если укралъ что-нибудь, или сдѣлалъ что либо подобное и хочетъ бѣжать, а мы примемъ его; то попадемъ въ бѣду, ибо ни одежда, ни видъ его, не показываютъ человѣка, желающаго быть монахомъ.» Юноша сей былъ сродникъ нѣкотораго воеводы, жилъ въ большой нѣгѣ и роскоши, ибо сродники такихъ вельможъ всегда живутъ въ большой нѣгѣ, и никогда не слыхалъ слова Божія. Однажды нѣкоторые люди воеводы разсказывали при немъ о святомъ градѣ (Іерусалимѣ); услышавъ о немъ, онъ возжелалъ видѣть тамошнюю святыню и просилъ воеводу послать его посмотрѣть святыя мѣста. Воевода, не желая опечалить его, отыскалъ одного своего ближняго друга, отправляющагося туда, и сказалъ ему: «сдѣлай мнѣ милость, возми сего юношу съ собою посмотрѣть святыя мѣста.» Онъ же, принявъ отъ воеводы сего молодаго человѣка, ока-

зывалъ ему всякую честь, берегъ его, и предлагалъ ему вкушать пищу вмѣстѣ съ собою и женою своею.

И такъ, достигнувъ святаго града, и поклонившись святымъ мѣстамъ, пришли они и въ Геѳсиманію, гдѣ было изображеніе страшнаго суда. Когда же юноша, остановясь предъ симъ изображеніемъ, смотрѣлъ на него со вниманіемъ и удивленіемъ: онъ увидѣлъ Честную Жену, облеченную въ багряницу, которая стояла подлѣ него и объясняла ему муку каждаго изъ осужденныхъ, и дѣлала при томъ нѣкоторыя другія наставленія отъ себя. Юноша, слыша сіе, изумлялся и дивился, ибо, какъ я уже сказалъ, онъ никогда не слыхалъ ни слова Божія, ни того, что есть судъ. И такъ онъ сказалъ ей: «Госпожа! что должно дѣлать, чтобы избавиться отъ сихъ мукъ?» Она отвѣчала ему: «постись, не ѣшь мяса, и молись часто, и избавишься отъ мукъ.» Давши ему сіи три заповѣди, багряноносная Жена стала невидима и болѣе не являлась ему. Юноша обошелъ все оное мѣсто, ища ея, ибо полагалъ, что это была (обыкновенная) жена, но не нашелъ ея: ибо то была Святая Марія Богородица. Съ тѣхъ поръ юноша сей пребывалъ въ умиленіи и хранилъ три заповѣди, данныя ему; а другъ воеводы, видя, что онъ постится и не ѣстъ мяса, скорбѣлъ о семъ за воеводу, ибо онъ зналъ, что воевода особенно бережетъ сего юношу. Воины же, которые были съ нимъ, видя, что онъ такъ поступаетъ, сказали ему: «юноша! то, что ты дѣлаешь, неприлично человѣку, хотящему жить въ мірѣ; если ты хочешь такъ поступать, то иди въ монастырь и спасешь душу свою.» А онъ, не зная ничего Божественнаго, ни того, что такое монастырь, и соблюдая только слышанное отъ оной Жены, сказалъ имъ: «ведите меня,

куда знаете, ибо я не знаю, куда идти.» Нѣкоторые изъ нихъ были, какъ я сказалъ, любимы Аввою Серидомъ и, придя въ монастырь, привели сего юношу съ собою. Когда же Авва послалъ блаженнаго Дороѳея поговорить съ нимъ, Авва Дороѳей испытывалъ его и нашелъ, что юноша не могъ ничего другаго сказать ему, какъ только: «хочу спастись.» Тогда онъ пришелъ и сказалъ Аввѣ: «если тебѣ угодно принять его, не бойся ничего, ибо въ немъ нѣтъ ничего злаго.» Авва сказалъ ему: «сдѣлай милость, прими его къ себѣ для его спасенія, ибо я не хочу, чтобы онъ былъ посреди братій.» Авва Дороѳей, по благоговѣнію своему, долго отказывался отъ сего, говоря: «выше силы моей принять на себя чью-либо тяготу, и не моей это мѣры.» Авва отвѣчалъ ему: «я ношу и твою и его тяготу, о чемъ же ты скорбишь?» Тогда блаженный Дороѳей сказалъ ему: «когда ты рѣшилъ такимъ образомъ, то возвѣсти о семъ Старцу*), если тебѣ угодно.» Авва отвѣчалъ ему: «хорошо, я скажу ему.» И онъ пошелъ и возвѣстилъ о семъ Великому Старцу. Старецъ же сказалъ блаженному Дороѳею: «прими сего юношу, ибо чрезъ тебя Богъ спасетъ его.» Тогда онъ принялъ его съ радостью, и помѣстилъ его съ собою въ больницѣ. Имя его было Досиѳей. Когда пришло время вкушать пищу, Авва Дороѳей сказалъ ему: «ѣшь до сытости, только скажи мнѣ, сколько ты съѣшь.» Онъ пришелъ и сказалъ ему: «я съѣлъ полтора хлѣба, а въ хлѣбѣ было четыре литры.»**) Авва Дороѳей спросилъ

*) Великому Старцу Варсануфію.

**) Литра равна 1 аптекарскому фунту, въ которомъ 12 унцій, т. е. 84½ золотника.

сего: «довольно ли тебѣ сего, Досиѳей?» Тотъ отвѣчалъ: «да, господинъ мой, мнѣ довольно сего.» Авва спросилъ его: «не голоденъ ты, Досиѳей?» Онъ отвѣчалъ ему: «нѣтъ, владыко, не голоденъ.» Тогда Авва Дороѳей сказалъ ему: «въ другой разъ съѣшь одинъ хлѣбъ, а другой хлѣбъ раздѣли на четыре части, съѣшь одну четверть, другую же четверть раздѣли на двое, и съѣшь половину.» Досиѳей исполнилъ такъ. Когда же Авва Дороѳей спросилъ его: «голоденъ ли ты, Досиѳей?» Онъ отвѣчалъ: «да, господинъ, немного голоденъ.» Чрезъ нѣсколько дней опять говорилъ ему: «каково тебѣ, Досиѳей? продолжаешь ли ты чувствовать себя голоднымъ?» Онъ отвѣчалъ ему: «нѣтъ, господинъ, молитвами твоими мнѣ хорошо.» Говоритъ ему Авва: «и такъ отложи и другую половину четверти.» И онъ исполнилъ сіе. Опять чрезъ нѣсколько дней (Авва Дороѳей), спрашиваетъ у него: «каково тебѣ теперь (Досиѳей), не голоденъ ли ты?» Онъ отвѣчалъ: «мнѣ хорошо, господинъ.» Говоритъ ему: «раздѣли и другую четверть на двое, и съѣшь половину, а половину оставь.» Онъ исполнилъ сіе. И такъ съ Божіею помощію, мало по малу, отъ шести литръ, а литра имѣетъ двѣнадцать унцій, онъ остановился на осьми унціяхъ, т. е. шестидесяти четырехъ драхмахъ. Ибо и употребленіе пищи зависитъ отъ привычки.

Іоанна сей былъ тихъ и искусенъ во всякомъ дѣлѣ, которое исполнялъ; онъ служилъ въ больницѣ больнымъ и каждый былъ успокоенъ его служеніемъ, ибо онъ все дѣлалъ тщательно. Если же случалось ему оскорбиться на кого-нибудь изъ больныхъ и сказать что либо съ гнѣвомъ; то онъ оставлялъ все, уходилъ въ келарію (кладовую) и плакалъ. Когда же другіе служители боль-

ницы входили утѣшать его, и онъ оставался неутѣшнымъ; то они приходили къ Отцу Дороѳею и говорили ему: «сдѣлай милость, Отче, пойди и узнай, что случилось съ этимъ братомъ: онъ плачетъ и мы не знаемъ, отъ чего.» Тогда Авва Дороѳей входилъ къ нему и, найдя его сидящимъ на землѣ и плачущимъ, говорилъ ему: «что такое, Досиѳей, что съ тобою? О чемъ ты плачешь?» Досиѳей отвѣчалъ: «прости меня, отче, я разгнѣвался и худо говорилъ съ братомъ моимъ.» Отецъ отвѣчалъ ему на это: «такъ-то, Досиѳей, ты гнѣваешься и не стыдишься, что гнѣваешься и обижаешь брата своего? развѣ ты не знаешь, что онъ есть Христосъ, и что ты оскорбляешь Христа?» Досиѳей преклонялъ голову плача, и ничего не отвѣчалъ. И когда Авва Дороѳей видѣлъ, что онъ уже довольно плакалъ, то говорилъ ему тихо: «Богъ проститъ тебя. Встань, отнынѣ положимъ начало (исправленія себя); постараемся, и Богъ поможетъ.» Услышавъ это, Досиѳей тотчасъ же вставалъ и съ радостью спѣшилъ къ своему служенію, какъ бы получивъ отъ Бога прощеніе и удостовѣреніе. Такимъ образомъ служащіе въ больницѣ, узнавъ его обыкновеніе, когда видѣли его плачущимъ, говорили: «что-нибудь случилось съ Досиѳеемъ, онъ опять что-нибудь согрѣшилъ», и говорили блаженному Дороѳею: «Отче, войди въ кладовую, тамъ тебѣ есть дѣло.» Когда же онъ входилъ и находилъ Досиѳея, сидящаго на землѣ и плачущаго, то догадывался, что онъ сказалъ кому-нибудь худое слово. И говорилъ ему: «что такое Досиѳей? или ты опять оскорбилъ Христа? или опять разгнѣвался? не стыдно ли тебѣ? почему ты не исправляешься?» А онъ продолжалъ плакать. Когда же (Авва Дороѳей) опять

видѣлъ, что онъ насытился плачемъ, то говорилъ ему: «встань, Богъ да проститъ тебя; опять положи начало и исправься наконецъ.» Досиѳей тотчасъ же съ вѣрою отвергалъ печаль оную и шелъ на дѣло свое. Онъ очень хорошо постилалъ больнымъ постели и имѣлъ такую свободу въ исповѣданіи своихъ помысловъ, что часто, когда онъ постилалъ постель и видѣлъ, что блаженный Дороѳей проходитъ мимо, говорилъ ему: «Отче, Отче, помыслъ говоритъ мнѣ: ты хорошо постилаешь.» И отвѣчалъ ему Авва Дороѳей: «О диво! Ты сталъ хорошимъ рабомъ, отличнымъ постильничимъ *), а хорошій ли ты монахъ?» Никогда Авва Дороѳей не позволялъ ему имѣть пристрастіе къ какой либо вещи, или къ чему бы то ни было; и все, что говорилъ, Досиѳей принималъ съ вѣрою и любовью, и во всемъ усердно слушалъ его. Когда ему нужна была одежда, Авва Дороѳей давалъ ему оную (шить самому), и онъ уходилъ и шилъ ее съ большимъ стараніемъ и вниманіемъ. Когда же онъ оканчивалъ ее, блаженный призывалъ его и говорилъ: «Досиѳей, сшилъ ли ты ту одежду?» Онъ отвѣчалъ: «да, Отче, сшилъ и хорошо ее отдѣлалъ.» Авва Дороѳей говорилъ ему: «поди и отдай ее такому-то брату, или тому-то больному.» Онъ шелъ и отдавалъ ее съ радостью. (Блаженный) опять давалъ ему другую и также, когда онъ сшивалъ и оканчивалъ ее, говорилъ ему: «отдай ее сему брату.» Онъ отдавалъ тотчасъ и никогда не поскорбѣлъ и не пороптался, говоря: «всякій

*) Заимствовано изъ житія преподобнаго въ Четьи Минеи (19 Февраля); а въ Греческ. книгѣ и Славян. переводѣ оной сіе мѣсто читается такъ: бяше добръ рабъ, бысть добръ оселъ; еда бо добръ Инокъ?

разъ, когда я сошью и старательно отдѣлаю одежду, онъ отнимаетъ ее у меня и отдаетъ другому», но все хорошее, что онъ слышалъ, исполнялъ съ усердіемъ.

Однажды нѣкто изъ посылаемыхъ на внѣшнія служенія принесъ хорошій и очень красивый ножъ. Досиѳей взялъ его и показалъ Отцу Дорофею, говоря: «такой-то братъ принесъ этотъ ножъ, и я взялъ его, чтобы, если повелишь, имѣть его въ больницѣ, потому что онъ хорошъ.» Блаженный же Дороѳей никогда не пріобрѣталъ для больницы ничего краснаго, но только то, что было хорошо въ дѣлѣ. И (потому) сказалъ Досиѳею: «покажи, я посмотрю хорошъ ли онъ»? Онъ подалъ ему, говоря: «да, Отче, онъ хорошъ» *). Авва увидѣлъ, что это дѣйствительно вещь хорошая, но такъ какъ онъ не хотѣлъ, чтобы Досиѳей имѣлъ пристрастіе къ какой-либо вещи, то и не велѣлъ ему носить сего ножа и сказалъ ему: «Досиѳей! уже ли тебѣ угодно быть рабомъ ножу сему, а не рабомъ Богу? Или тебѣ угодно связать себя пристрастіемъ къ ножу сему? Или ты не стыдишься, желая, чтобы ножъ сей обладалъ тобою, а не Богъ?» Онъ же, слыша это, не поднималъ головы, но, поникнувъ лицемъ долу, молчалъ. Наконецъ, побранивъ его довольно, Авва Дорооей сказалъ ему: «пойди, и положи ножъ въ больницѣ, и никогда не прикасайся къ нему.» И Досиѳей такъ остерегался прикасаться къ ножу сему, что не дерзалъ его брать и для того, чтобы подать когда-нибудь другому, и тогда какъ другіе служители брали его, онъ одинъ не прикасался къ нему. И никогда не сказалъ: «не таковъ ли и я, какъ всѣ прочіе!» но все, что

*) Въ Гречес. книгѣ: для ранъ.

онъ слышалъ отъ Отца, исполнялъ съ радостью. Такъ провелъ онъ не долгое время своего пребыванія въ монастырѣ, ибо онъ прожилъ въ немъ только пять лѣтъ и скончался въ послушаніи, никогда и ни въ чемъ не исполнивъ своей воли и не сдѣлавъ ничего по пристрастію. Когда же онъ палъ въ болѣзнь и сталъ харкать кровью (отъ чего и умеръ), услышалъ онъ отъ кого-то, что недоваренныя яйца полезны харкающимъ кровью; это было извѣстно и блаженному Дороѳею, который заботился о его исцѣленіи, но, по множеству дѣлъ, средство это не пришло ему на умъ. Досиѳей сказалъ ему: «Отче, хочу сказать тебѣ, что я слышалъ о вещи, полезной для меня, но не хочу, чтобы ты далъ мнѣ ее, потому что помыслъ о ней безпокоитъ меня». Дороѳей отвѣчалъ ему (на сіе): «скажи мнѣ, чадо, какая эта вещь»? Онъ отвѣчалъ ему: «дай мнѣ слово, что ты не дашь мнѣ ее, потому что, какъ я сказалъ, помыслъ смущаетъ меня о семъ». Авва Дороѳей говоритъ ему: «хорошо, я сдѣлаю, какъ ты желаешь.» Тогда больной сказалъ ему: «я слышалъ отъ нѣкоторыхъ, что недоваренныя яйца полезны харкающимъ кровью; но Господа ради, если тебѣ угодно, чего ты прежде не далъ мнѣ самъ отъ себя, того не давай мнѣ и теперь ради моего помысла.» Авва отвѣчалъ ему: «хорошо, если не хочешь, то я не дамъ тебѣ, только не скорби.» И онъ старался, вмѣсто яицъ, давать ему другія, полезныя для него вещи, ибо Досиѳей прежде сказалъ, что помыслъ смущаетъ его касательно яицъ. Вотъ, будучи и въ такой болѣзни, онъ подвизался отсѣчь свою волю.

Онъ имѣлъ всегда и память Божію, ибо (Авва Дороѳей) заповѣдалъ ему постоянно говорить: «Господи, Іисусе

Христе, помилуй мя», и между этимъ: «Сыне Божій, помози ми»: такъ онъ всегда произносилъ эту молитву. Когда же болѣзнь его весьма усилилась, блаженный сказалъ ему: «Досиѳей, заботься о молитвѣ, смотри, чтобы не лишиться ея.» Онъ отвѣчалъ: «хорошо, Отче, (только) молись о мнѣ.» Опять когда ему сдѣлалось еще хуже, (блаженный) сказалъ ему: «что, Досиѳей? какъ молитва, продолжается ли по прежнему?» Онъ отвѣчалъ ему: «да, Отче, твоими молитвами.» Когда же ему стало весьма трудно и болѣзнь такъ усилилась, что его несли на простынѣ, Авва Дороѳей спросилъ у него: «какъ молитва, Досиѳей?» Онъ отвѣчалъ: «прости, Отче, болѣе не могу держать ее.» Тогда сказалъ ему (Авва Дороѳей): «и такъ оставь молитву, только вспоминай Бога, и представляй себѣ Его, какъ сущаго предъ тобою.»—Страдая сильно, Досиѳей возвѣстилъ о семъ Великому Старцу *), говоря: «отпусти меня, болѣе не могу терпѣть.» На сіе Старецъ отвѣчалъ ему: «терпи, чадо, ибо близка милость Божія.» Блаженный же Дороѳей, видя, что онъ такъ сильно страдалъ, скорбѣлъ о семъ, боясь, чтобы онъ не повредился умомъ. Черезъ нѣсколько дней, Досиѳей опять возвѣстилъ о себѣ Старцу, говоря: «Владыко мой, не могу болѣе (жить)»; тогда Старецъ отвѣчалъ ему: «иди, чадо, съ миромъ, предстань Святой Троицѣ и молись о насъ.»

Услышавъ сей отвѣтъ Старца, братія начали негодовать и говорить: «что онъ сдѣлалъ особеннаго, или каковъ былъ подвигъ его, что онъ услышалъ сіи слова?» Ибо они дѣйствительно не видѣли, чтобы Досиѳей осо-

*) Св. Варсануфію.

бенно подвизался, или вкушалъ пищу черезъ день, какъ дѣлали нѣкоторые изъ бывшихъ тамъ, или чтобы онъ бодрствовалъ прежде обычнаго бдѣнія, но и на самое бдѣніе вставалъ не къ началу; также не видѣли, чтобы онъ имѣлъ особенное воздержаніе, но напротивъ примѣчали, что если случайно оставалось отъ больныхъ немного соку или рыбьихъ головъ, или чего нибудь подобнаго, то онъ ѣлъ это. А тамъ были иноки, которые, какъ я сказалъ, долгое время вкушали пищу черезъ день и удвоивали свои бдѣнія и воздержаніе. Они-то, услышавъ, что Старецъ послалъ таковый отвѣтъ іоноѳѣ, пробывшему въ монастырѣ только пять лѣтъ, смущались, не зная дѣланія его и несомнѣннаго во всемъ послушанія, что онъ никогда ни въ чемъ не исполнилъ своей воли, что, если случалось когда-нибудь блаженному Дороѳею сказать ему слово, смѣясь надъ нимъ (и какъ бы что-нибудь приказывая), то онъ поспѣшно шелъ и исполнялъ это безъ разсужденія. Напримѣръ, сначала онъ по привычкѣ говорилъ громко; блаженный Дороѳей, смѣясь надъ нимъ, однажды сказалъ ему: «тебѣ нуженъ вукократъ, Досиѳей? хорошо, пойди же возми вукократъ.» Онъ, услышавъ это, пошелъ и принесъ чашу съ виномъ и хлѣбомъ *) и подалъ ему, чтобы принять благословеніе. Авва Дороѳей, не понимая этого, посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и сказалъ: «чего ты хочешь?» Онъ отвѣчалъ: «ты велѣлъ мнѣ взять вукократъ, такъ дай мнѣ благословеніе.» Тогда онъ сказалъ: «безсмысленный, такъ какъ ты кричишь подобно Готѳамъ, которые кричатъ, когда напьются и разсердятся, то я и сказалъ

*) Въ Гречес. книгѣ прибавлено: ибо это и значитъ вукократъ.

тебѣ: возьми вукократъ; ибо ты говоришь, какъ Готѳъ.» Досиѳей же, услышавъ это, поклонился и отнесъ обратно принесенное имъ.

Однажды пришелъ онъ также спросить (Авву Дороѳея) объ одномъ изреченіи святаго Писанія, ибо ради чистоты своей онъ началъ понимать святое Писаніе. Блаженный же Дороѳей не хотѣлъ, чтобы онъ вдавался въ это, но чтобы лучше охранялся смиреніемъ. Итакъ, когда Досиѳей спросилъ его, онъ отвѣчалъ ему: «не знаю.» Но тотъ, не понявъ (намѣренія Отца своего), опять пришелъ и спросилъ его о другой главѣ. Тогда онъ сказалъ ему: «не знаю, но пойди и спроси Отца Игумена,» и Досиѳей пошелъ, уже ни мало не разсуждая; Авва же Дороѳей предварительно сказалъ Игумену: «если Досиѳей придетъ къ тебѣ спросить что-нибудь изъ Писанія, то ударь его слегка.» Итакъ, когда онъ пришелъ и спросилъ (Игумена), тотъ началъ толкать его, говоря: «за чѣмъ ты не сидишь спокойно (въ своей кельѣ) и не молчишь, когда ты ничего не знаешь? Какъ смѣешь ты спрашивать о такихъ предметахъ? Что не заботишься о нечистотѣ своей?» И сказавъ ему еще нѣсколько подобныхъ выраженій, Игуменъ отпустилъ его, давъ ему и два легкихъ удара по щекамъ. Досиѳей, возвратясь къ Аввѣ Дороѳею, показалъ ему свои щеки, покрасившія отъ ударенія, и сказалъ: «есть у меня и на спинѣ слѣды удара», но не сказалъ ему: «зачѣмъ ты не вразумилъ меня, а послалъ къ Отцу (Игумену?)» Онъ не сказалъ ничего подобнаго, но все (что говорилъ ему Отецъ его) принималъ съ вѣрою и исполнялъ не разсуждая. Когда же онъ вопрошалъ Авву Дороѳея о какомъ-либо помыслѣ, то съ такою увѣренностью принималъ, что

слышалъ, и такъ соблюдалъ, что во второй разъ уже не спрашивалъ (старца) о томъ же помыслѣ.

И такъ, не понимая, какъ я сказалъ, чуднаго сего дѣланія, нѣкоторые изъ братіи роптали о сказанномъ Досиѳею отъ Великаго Старца. Когда же Богъ восхотѣлъ явить славу, уготованную ему за святое его послушаніе, и даръ ко спасенію душъ, который имѣлъ блаженный Авва Дороѳей, хотя и былъ еще ученикомъ, сподобившись такъ вѣрно и скоро наставить Досиѳея къ Богу: тогда, въ скоромъ времени по блаженной кончинѣ Досиѳея, случилось слѣдующее: Одинъ великій Старецъ изъ другаго мѣста, пришедши къ находившимся тамъ (въ киновіи Аввы Серида) братіямъ, возжелалъ видѣть прежде почившихъ св. Отцевъ сей киновіи и помолился Богу, чтобы Онъ открылъ ему о нихъ. И увидѣлъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ, стоящихъ какъ бы въ ликѣ, посреди же ихъ былъ нѣкоторый юноша. Старецъ спросилъ: кто тотъ юноша, котораго я видѣлъ среди святыхъ Отцевъ? И когда онъ описалъ приметы лица его, то всѣ узнали, что это былъ Досиѳей, и прославили Бога, удивляясь, отъ какой жизни и отъ какого прежняго пребыванія, въ какую мѣру сподобился онъ достигнуть въ столь короткое время тѣмъ, что имѣлъ послушаніе и отсѣкалъ свою волю. За нихъ всѣхъ воздадимъ славу человѣколюбивому Богу, ньнѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Преподобнаго Отца нашего Аввы Дороѳея различныя поученія къ своимъ ученикамъ, когда онъ вышелъ изъ обители Аввы Серида и основалъ съ помощію Божіею свой собственный монастырь, послѣ кончины Аввы Іоанна, названнаго Пророкомъ и по совершенномъ молчаніи Аввы Варсануфія.

ПОУЧЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Объ отверженіи міра.

Въ началѣ, когда Богъ сотворилъ человѣка (Быт. 2, 20), Онъ помѣстилъ его въ раю, какъ говоритъ Божественное и святое Писаніе, и украсилъ его всякою добродѣтелію, давъ ему заповѣдь не вкушать отъ древа, бывшаго посреди рая. И такъ онъ пребывалъ тамъ въ наслажденіи райскомъ, въ молитвѣ, въ созерцаніи, во всякой славѣ и чести, имѣя чувства здравыя и находясь въ томъ естественномъ (состояніи), въ какомъ былъ созданъ. Ибо Богъ сотворилъ человѣка по образу своему, т. е., безсмертнымъ, свободнымъ и украшеннымъ всякою добродѣтелію. Но когда онъ преступилъ заповѣдь и вкусилъ плодовъ древа, отъ котораго Богъ заповѣдалъ ему не вкушать; тогда онъ былъ изгнанъ изъ рая (Быт. 3.), отпалъ отъ естественнаго (состоянія) и началъ пребывать въ противуестественномъ, т. е., въ грѣхѣ, въ славолюбіи, въ любви къ наслажденіямъ вѣка сего и въ прочихъ страстяхъ, и былъ обладаемъ ими, ибо самъ сдѣлался рабомъ ихъ чрезъ преступленіе. Тогда мало по малу на-

чало возрастать зло и воцарилась смерть. Нигдѣ не стало Богопочтенія, а повсюду было невѣдѣніе Бога. Только немногіе, какъ сказали Отцы наши, побуждаемые естественнымъ закономъ, знали Бога, каковы были Авраамъ и прочіе Патріархи, и Ной, и Іаковъ, короче сказать, очень немногіе и весьма рѣдкіе знали Бога. Ибо тогда врагъ излилъ всю злобу свою, и посилку воцарился грѣхъ, то начались: идолослуженіе, многобожіе, чародѣйства, убійство и прочее зло діавольское. И тогда-то благій Богъ, помиловавъ созданіе свое, далъ чрезъ Моисея написанный законъ, въ которомъ одно запретилъ, а другое повелѣлъ, какъ бы говоря: это дѣлайте, а сего не дѣлайте. Онъ далъ заповѣдь, и прежде всего говоритъ: *Господь Богъ твой, Господь единъ есть* (Второзак. 6, 4), чтобы чрезъ сіе отвлечь умъ ихъ отъ многобожія. И опять говоритъ: *и возлюбиши Господа Бога твоего всею душею твоею и всею мыслію твоею* (ст. 5). И вездѣ возвѣщаетъ, что единъ Богъ, и единъ Господь, и что нѣтъ инаго. Ибо сказавъ: *возлюбиши Господа Бога твоего*, Онъ показалъ, что единъ есть Богъ и единъ Господь. И опять въ десятословіи говоря: *Господу Богу твоему поклонишися, и тому единому послужиши, и къ нему прильпишися и именемъ его клянешися* (Втораз. 6, 13), потомъ присовокупляетъ: *да не будутъ тебѣ боги инии, ниже всяко подобіе, елико на небеси горѣ, и елико на земли низу* (Исход. 20, 3, 4), ибо люди служили всѣмъ тварямъ.

И такъ благій Богъ далъ законъ въ помощь для обращенія, для исправленія отъ зла, однако оно не исправилось. Послалъ Пророковъ, но и они успѣха не имѣли, ибо зло превозмогло, какъ говоритъ Исаія: *ни струпъ, ни язва,*

ни рана палящаяся, нѣсть пластыря приложити, ниже елеа, ниже обязанія (Исаія 1, 6). Какъ бы сказалъ: зло не частное, не на одномъ мѣстѣ, но во всемъ тѣлѣ, объяло всю душу, овладѣло всѣми силами ея, *нѣсть пластыря приложити* и проч., т. е. все стало подвластно грѣху, всѣмъ онъ обладаетъ. И Іеремія также говоритъ: *врачевахомъ Вавилона, и не исцѣлѣ* (Іер. 51, 9), т. е., мы явили имя Твое, возвѣстили заповѣди Твои, благодѣянія и обѣтованія, предсказали Вавилону нашествіе враговъ, но онъ не исцѣлѣлъ, т. е. не покаялся, не убоялся, не обратился отъ злыхъ дѣлъ своихъ. Такъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *не пріясте наказанія* (Іерем. 2, 30), т. е., вразумленія или наставленія. И въ Псалмѣ сказано: *всякаго брашна возгнушася душа ихъ, и приближишася до вратъ смертныхъ* (Псал. 106, 18).—Тогда наконецъ преблагій и человѣколюбивый Богъ послалъ единороднаго Сына Своего; ибо одинъ только Богъ могъ исцѣлить и преодолѣть такую болѣзнь, и это было не безъизвѣстно Пророкамъ. Посему и Пророкъ Давидъ ясно говоритъ: *сѣдяй на херувимѣхъ явися, воздвигни силу Твою и пріиди во еже спасти насъ* (Пс. 79, 2. 9), и *Господи преклони небеса и сниди* (Пс. 143, 5), и тому подобное. И другіе Пророки различнымъ образомъ изрекли многое: одни, моля, чтобы Онъ снизшелъ, другіе, извѣщая, что Онъ непремѣнно снидетъ.

И такъ пришелъ Господь нашъ, сдѣлавшись насъ ради человѣкомъ, чтобы, какъ говоритъ святый Григорій, подобнымъ исцѣлить подобное, душею душу, плотію плоть, ибо Онъ по всему, кромѣ грѣха, сталъ человѣкомъ. Онъ принялъ самое существо наше, начатокъ нашего состава и сдѣлался новымъ Адамомъ по образу Бога, создавша-

го перваго Адама, обновилъ естественное состояніе и чувства опять сдѣлалъ здравыми, какими они были въ началѣ. Сдѣлавшись человѣкомъ, возставилъ падшаго человѣка, освободилъ его, порабощеннаго грѣхомъ и насильственно имъ обладаемаго. Ибо съ насиліемъ и мучительски владѣлъ врагъ человѣкомъ, такъ что и не хотѣвшіе грѣшить невольно согрѣшали, какъ говоритъ Апостолъ, отъ лица нашего: *не еже хощу доброе творю: но еже не хощу злое, сіе содѣваю* (Рим. 7, 19).

И такъ Богъ, сдѣлавшись ради насъ человѣкомъ, освободилъ человѣка отъ мучительства вражія. Ибо Богъ низложилъ всю силу врага, сокрушилъ самую крѣпость его и избавилъ насъ отъ владычества его, и освободилъ насъ отъ повиновенія и рабства ему, если только мы сами не захотимъ согрѣшать произвольно. Потому что Онъ далъ намъ власть, какъ Онъ сказалъ, *наступать на змію и скорпію и на всю силу вражію* (Лук. 10, 19), очистивъ насъ святымъ крещеніемъ отъ всякаго грѣха, ибо святое крещеніе отъемлетъ и истребляетъ всякій грѣхъ. Притомъ преблагій Богъ, зная немощь нашу и предвидя, что мы, и по святомъ крещеніи, будемъ согрѣшать, какъ сказано въ Писаніи, что *прилежитъ помышленіе человѣку прилежно на злая отъ юности его* (Быт. 8, 21), далъ намъ, по благости своей, святыя заповѣди, очищающія насъ, дабы, если пожелаемъ, мы могли опять соблюденіемъ заповѣдей очиститься, не только отъ грѣховъ нашихъ, но и отъ самыхъ страстей. Ибо иное суть страсти, и иное грѣхи. Страсти суть: раздражительность, тщеславіе, сластолюбіе, ненависть, злая похоть и тому подобное. Грѣхи же суть самыя дѣйствія страстей, когда кто приводитъ ихъ въ испол-

неніе на дѣлѣ, т. е., совершаетъ съ тѣломъ тѣ дѣла, къ которымъ побуждаютъ его страсти; ибо можно имѣть страсти, но не дѣйствовать по нимъ.

И такъ Онъ далъ намъ, какъ я сказалъ, заповѣди, очищающія (насъ) и отъ самыхъ страстей нашихъ, отъ самыхъ худыхъ залоговъ, (находящихся) во внутреннемъ человѣкѣ нашемъ: ибо дастъ ему силу различать добро и зло, возбуждаетъ его, показываетъ ему причины, по которымъ онъ впадаетъ въ согрѣшенія, и говоритъ: Законъ сказалъ: не прелюбодѣйствуй, а я говорю: даже не похотствуй. Законъ сказалъ: не убивай, а я говорю: даже не гнѣвайся (Мат. 5, 27. 28). Ибо, если ты будешь похотствовать, хотя бы ты сего дня и не прелюбодѣйствовалъ, но похоть не перестанетъ внутренно смущать тебя, пока не вовлечетъ и въ самое дѣйствіе.

Если ты гнѣваешься и раздражаешься на брата своего, то когда-нибудь впадешь и въ злословіе, (потомъ) начнешь и коварствовать (противъ него), и такимъ образомъ, мало по малу идя впередъ, дойдешь наконецъ и до убійства. Еще Законъ говоритъ: *око за око, зубъ за зубъ*, и прочее (Левит., 24, 20), Христосъ же учитъ не только терпѣливо переносить ударъ по ланитѣ, но и со смиреніемъ обращать другую ланиту. Ибо тогда цѣль Закона была научить насъ не дѣлать того, чего сами не хотимъ пострадать, потому онъ и останавливалъ насъ отъ дѣланія зла страхомъ, чтобы самимъ не пострадать (того же). Нынѣ же требуется, какъ я сказалъ, изгнать самую ненависть, самое сластолюбіе, самое славолюбіе и прочія страсти. Словомъ, теперь цѣль Владыки нашего Христа есть научить насъ, отъ чего мы впали во всѣ грѣхи сіи, отъ чего постигли насъ такіе злые дни. И

такъ, сперва, какъ я уже сказалъ, Онъ освободилъ насъ святымъ крещеніемъ, подавъ намъ прощеніе грѣховъ, и далъ намъ свободу дѣлать добро, если пожелаемъ, и не увлекаться уже, такъ сказать, насильственно къ злому; ибо того, кто порабощенъ грѣхами, они отягощаютъ и увлекаютъ, какъ и сказано (въ Писаніи), что каждый связывается узами своихъ грѣховъ (Притч. 5, 22). Потомъ Онъ научаетъ насъ, какъ посредствомъ святыхъ заповѣдей очищаться и отъ самыхъ страстей, чтобы чрезъ нихъ не впасть опять въ тѣже грѣхи. Наконецъ показываетъ намъ и причину, отъ которой приходитъ человѣкъ въ небреженіе и преслушаніе самихъ заповѣдей Божіихъ и такимъ образомъ подаетъ намъ врачевство и (противу) сей (причины), дабы мы возмогли сдѣлаться послушными и спастись. Какое же это врачевство и какая причина небреженія? Послушайте, что говоритъ самъ Господь нашъ: *научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Мат. 11, 29). Вотъ здѣсь Онъ показалъ намъ вкратцѣ, однимъ словомъ, корень и причину всѣхъ золъ и врачевство отъ оныхъ, — причину всего благаго; показалъ, что возношеніе низложило насъ, что невозможно иначе получить помилованіе, какъ чрезъ противоположное ему, т. е., смиреномудріе. Ибо возношеніе раждаетъ пренебреженіе, преслушаніе и погибель, какъ и смиреномудріе раждаетъ послушаніе и спасеніе душъ. Разумѣю же истинное смиреномудріе, не то смиреніе, (которое проявляется) только въ словахъ, или во внѣшнемъ образѣ, но собственно смиренный залогъ, утвердившійся въ самомъ сердцѣ. И такъ желающій найдти истинное смиреніе и покой душѣ своей, да научится

смиренномудрію, и увидитъ, что въ немъ всякая радость и всякая слава, и весь покой, какъ и въ гордости все противное. Ибо отъ чего подверглись мы всѣмъ скорбямъ симъ? Не отъ гордости ли нашей? Не отъ безумія ли нашего? Не отъ того ли, что мы не обуздываемъ злаго произволенія нашего? Не отъ того ли, что мы держимся горькаго своеволія нашего? Да и отъ чего же болѣе? Не былъ ли человѣкъ созданъ во всякомъ наслажденіи, во всякой радости, во всякомъ покоѣ, во всякой славѣ? Не былъ ли онъ въ раю? Ему было повелѣно не дѣлать сего, а онъ сдѣлалъ. Видишь ли гордость? Видишь ли упрямство? Видишь ли непокорность? Послѣ сего Богъ, видя такое безстыдство, говоритъ: онъ безуменъ, онъ не умѣетъ наслаждаться радостію. Если онъ не испытаетъ злоключеній, то пойдетъ (еще) далѣе и совершенно погибнетъ. Ибо если не узнаетъ, что такое скорбь, то не узнаетъ, и что такое покой. Тогда (Богъ) далъ ему то, чего онъ былъ достоинъ, и изгналъ его изъ рая. И (человѣкъ) былъ преданъ собственному своему самолюбію и собственной волѣ, чтобы онъ сокрушили кости его, чтобы онъ научился слѣдовать не самому себѣ, но заповѣдямъ Божіимъ, чтобы самое злостраданіе преслушанія научило его покою послушанія, какъ сказано у Пророка: *накажетъ тя отступленіе твое* (Іереміи 2, 19). Однако благость Божія, какъ я часто говорилъ, не презрѣла своего созданія, но опять увѣщаваетъ, опять призываетъ: *Пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы* (Матѳ. 11, 28). Какъ бы говоритъ: вотъ вы потрудились, вотъ вы пострадали, вотъ вы испытали злыя (слѣдствія) вашей непокорности; но пріидите же теперь, обратитесь; пріи-

дите, познайте немощь свою, дабы войти въ покой и славу вашу. Пріидите, оживите себя смиренномудріемъ, вмѣсто высокомудрія, которымъ вы себя умертвили. *Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѳ. 11, 29). О удивленіе, братія мои, что дѣластъ гордость! О чудо, сколь сильно смиренномудріе! Ибо какая была нужда во всѣхъ сихъ превратностяхъ? Если бы (человѣкъ) сначала смирился, послушалъ Бога и сохранилъ заповѣдь, то не палъ бы. Опять по паденіи (Богъ) далъ ему возможность покаяться и быть помилованнымъ, но выя его осталась непреклонною. Ибо (Богъ) пришелъ, говоря ему: *Адаме гдѣ еси?* т. е. изъ какой славы въ какой стыдъ перешелъ ты? И потомъ, вопрошая его: зачѣмъ ты согрѣшилъ, за чѣмъ преступилъ (заповѣдь), приготовлялъ его собственно къ тому, что бы онъ сказалъ: «*прости*». Но нѣтъ смиренія! Гдѣ слово «*прости*»? Нѣтъ покаянія, но совсѣмъ противное. Ибо онъ пререкословитъ и возражаетъ: *жена, юже ми еси далъ* (*прельсти мя*), и не сказалъ: «жена моя прельсти мя», но «*жена, юже ми еси далъ*», какъ бы говоря: эта бѣда, которую Ты навелъ на главу мою. Ибо такъ всегда бываетъ, братія мои: когда человѣкъ не хочетъ порицать себя, то онъ не усумнится обвинять и самаго Бога. Потомъ (Богъ) приходитъ къ женѣ, и говоритъ ей: почему и ты не сохранила заповѣди? Какъ бы собственно внушалъ ей: скажи по крайней мѣрѣ ты: «*прости*», чтобы смирилась душа твоя, и ты была помилована. Но опять (не слышитъ) слова «*прости*». Ибо и она отвѣчаетъ: *змій прельсти мя*; какъ бы сказала: змій согрѣшилъ, а мнѣ какое дѣло? Что вы дѣлаете, окаянные? Покайтесь,

познайте согрѣшеніе ваше, пожалѣйте о наготѣ своей. Но никто изъ нихъ не захотѣлъ обвинить себя, ни въ одномъ не нашлось (и) малаго смиренія. И такъ вы видите теперь ясно, до чего дошло устроеніе наше, вотъ въ какія и коликія бѣдствія ввело насъ то, что мы оправдываемъ самихъ себя, что держимся своей воли и слѣдуемъ самимъ себѣ. Все это исчадія гордости, враждебной Богу, такъ же какъ и чада смиренномудрія суть: самоукореніе, недовѣріе своему разуму, ненавидѣніе своей воли. Ибо отъ сего человѣкъ сподобляется прійдти въ себя и возвратиться въ естественное состояніе, чрезъ очищеніе себя святыми заповѣдями Христовыми. Безъ смиренія нельзя повиноваться заповѣдямъ и достигнуть чего либо благаго, какъ сказалъ и Авва Маркъ: безъ сокрушенія сердечнаго невозможно освободиться отъ зла и пріобрѣсть добродѣтель. И такъ чрезъ сокрушеніе сердечное человѣкъ дѣлается послушнымъ заповѣдямъ, освобождается отъ зла, пріобрѣтаетъ добродѣтели и потомъ восходитъ въ покой свой. Зная сіе, и святые всячески старались смиренною жизнью соединить себя съ Богомъ. Ибо были нѣкоторые Боголюбивые люди, которые по святомъ крещеніи не только пресѣкли дѣйствія страстей, но восхотѣли побѣдить и самыя страсти и быть безстрастными, каковы были святый Антоній и Пахомій, и прочіе Богоносные Отцы. Они имѣли благое намѣреніе очистить самихъ себя, какъ говоритъ Апостолъ, *отъ всякія скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1), ибо знали, что сохраненіемъ заповѣдей, какъ мы уже сказали, очищается душа, и такъ сказать очищается и умъ, и прозрѣваетъ и приходитъ въ естественное (состояніе); ибо *заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщаю-*

ща́л очи (Псал. 18, 9). Они поняли, что находясь въ мірѣ, не могутъ удобно совершать добродѣтели, и измыслили свой особенный образъ жизни, особенный образъ дѣйствованія,—я говорю о монашеской жизни, и начали убѣгать отъ міра и жить въ пустыняхъ, (подвизаясь) въ постахъ, во бдѣніяхъ, спали на голой землѣ и (терпѣли) другое злостраданіе, совершенно отрекались отъ отечества и сродниковъ, имѣній и пріобрѣтеній: однимъ словомъ, распяли себя міру, и не только сохранили заповѣди, но и принесли Богу дары; и объясню вамъ, какъ они это сдѣлали. Заповѣди (Христовы) даны всѣмъ христіанамъ и всякій христіанинъ обязанъ исполнять ихъ; онѣ, такъ сказать, дань, должная Царю. И кто говорящій: не дамъ дани Царю, избѣгнулъ бы наказанія? Но есть въ мірѣ великіе и знатные люди, которые не только даютъ дани Царю, но приносятъ ему и дары; таковые сподобляются великой чести, великихъ наградъ и достоинствъ. Также и Отцы не только сохранили заповѣди, но и дары принесли Богу. Дары же сіи суть: дѣвство и нестяжаніе. Это не заповѣди, но дары; ибо нигдѣ не сказано въ Писаніи: не бери жены, не имѣй дѣтей. Такъ же и Христосъ говоря: *продаждь имѣнія твоя* (Матѳ. 19, 21), не далъ этимъ заповѣди; но когда приступилъ къ Нему законникъ и сказалъ: *учителю бла́гій, что сотворивъ, живота вѣчнаго наслѣдую*, (Христосъ) отвѣчалъ: ты знаешь заповѣди: не убій, не прелюбодѣйствуй, не укради, не лжесвидѣтельствуй на ближняго своего и проч. Когда же тотъ сказалъ: *сія вся сохранихъ отъ ю́ности моея*, (Господь) присовокупилъ: *аще хощеши совершенъ быти, продаждь имѣнія твоя, и даждь нищи́мъ* и проч. (Матѳ. 19, 21). Вотъ, Онъ не сказалъ: продай имѣніе твое,

какъ бы повелѣвая, но совѣтуя, ибо слова: *аще хощеши*, не суть слова повелѣвающаго, но совѣтующаго.

И такъ, какъ мы сказали, Отцы принесли Богу, кромѣ иныхъ добродѣтелей, и дары: дѣвство и нестяжаніе, и, какъ мы упомянули прежде, распяли себѣ міръ, и поддвизались потомъ распять и себя міру, какъ говоритъ Апостолъ: *мнѣ міръ распяся и азъ міру* (Гал. 6, 14). Какое же между этимъ различіе? Какъ міръ распинается человѣку и человѣкъ міру? Когда человѣкъ отрекается отъ міра и дѣлается инокомъ, оставляетъ родителей, имѣнія, пріобрѣтенія, торговлю, даніе (другимъ) и пріятіе (отъ нихъ); тогда распинается ему міръ, ибо онъ оставилъ его. Это и значатъ слова Апостола: *мнѣ міръ распяся;* потомъ онъ прибавляетъ: *и азъ міру*. Какъ же человѣкъ распинается міру? Когда освободившись отъ внѣшнихъ вещей, онъ подвизается и противъ самыхъ услажденій, или противъ самаго вожделѣнія вещей и противъ своихъ пожеланій, и умертвитъ свои страсти: тогда и самъ онъ распинается міру и сподобляется сказать съ Апостоломъ: *мнѣ міръ распяся и азъ міру*.

Отцы наши, какъ мы сказали, распявъ себѣ міръ, предались подвигамъ и распяли и себя міру; а мы думаемъ, что распяли себѣ міръ, потому что оставили его и пришли въ монастырь; себя же не хотимъ распять міру, ибо любимъ еще наслажденія его, имѣемъ еще пристрастія его, сочувствуемъ славѣ его; имѣемъ пристрастіе къ снѣдямъ, къ одеждамъ; если у насъ есть какія-нибудь хорошія рабочія орудія, то мы пристрастны и къ нимъ, и позволяемъ какому-нибудь ничтожному орудію произвести въ насъ оное (міреское пристрастіе), какъ сказалъ Авва Зосима. Мы думаемъ, что, вышедши изъ міра и придя въ монастырь,

оставили все мірское; но (и здѣсь), ради ничтожныхъ вещей, исполняемъ пристрастія (мірскія). Это происходитъ съ нами отъ многаго неразумія нашего, что, оставивъ великія и многоцѣнныя вещи, мы посредствомъ какихъ-нибудь ничтожныхъ исполняемъ страсти наши; ибо каждый изъ насъ оставилъ то, что имѣлъ: имѣвшій великое оставилъ великое, и имѣвшій что-нибудь, и тотъ оставилъ, что имѣлъ, каждый по силѣ твоей. И мы, приходя въ монастырь, какъ я сказалъ, маловажными и ничтожными вещами исполняемъ пристрастіе наше. Однако мы не должны такъ дѣлать, но какъ мы отреклись отъ міра и вещей его, такъ должны отречься и отъ самаго пристрастія къ вещамъ и знать, въ чемъ состоитъ сіе отреченіе, и за чѣмъ мы пришли въ монастырь, и что значитъ одѣяніе, въ которое мы облеклись; должны сообразоваться съ нимъ и подвизаться подобно Отцамъ нашимъ.

Одѣяніе, которое мы носимъ, состоитъ изъ мантіи, не имѣющей рукавовъ, кожанаго пояса, аналава и кукуля: а (все) это суть символы. И мы должны знать, что означаютъ символы одѣянія нашего. И такъ для чего мы носимъ мантію, не имѣющую рукавовъ? Между тѣмъ какъ всѣ другіе имѣютъ рукава, мы почему не имѣемъ ихъ? Рукава суть подобіе рукъ, а руки принимаются для обозначенія дѣйствія. И такъ, когда приходитъ намъ помыслъ сдѣлать что-либо руками ветхаго нашего человѣка, какъ напримѣръ: украсть или ударить, и вообще сдѣлать руками нашими какой-либо грѣхъ; то мы должны обратить вниманіе на одѣяніе наше и вспомнить, что не имѣемъ рукавовъ, т. е., не имѣемъ рукъ, чтобы сдѣлать какое-либо дѣло ветхаго человѣка. Притомъ мантія наша имѣетъ и нѣкоторый знакъ багрянаго цвѣта.

Что же значитъ сей багряный знакъ? Каждый царскій воинъ имѣетъ на своей епанчѣ багряницу. Ибо такъ какъ Царь носитъ багряную одежду, то и всѣ воины его нашиваютъ на епанчи свои багряницу, т. е., отличіе царское, чтобы по этому узнавали ихъ, что они принадлежатъ Царю и ему служатъ. Такъ и мы носимъ багряный знакъ на мантіи нашей, показывая, что мы стали воинами Христовыми и что обязаны терпѣть всѣ страданія, какія Онъ претерпѣлъ за насъ. Ибо когда Владыка нашъ страдалъ, то онъ былъ одѣтъ въ багряную ризу, во первыхъ какъ Царь, ибо онъ есть Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, потомъ же и какъ поруганный оными нечестивыми людьми. Такъ и мы, имѣя багряный знакъ, даемъ обѣтъ, какъ я сказалъ, переносить всѣ страданія Его. И какъ воинъ не долженъ оставлять службы своей для того, чтобы сдѣлаться земледѣльцемъ или купцемъ, ибо иначе онъ лишится своего сана, какъ говоритъ Апостолъ: *никто же, воинъ бывая, обязуется куплями житейскими, да сосвѣдь угодитъ будетъ* (2 Тим. 2, 4); такъ и мы должны подвизаться и не заботиться ни о чемъ мірскомъ, и служить единому Богу, дабы, какъ сказано, быть дѣвою, прилежно занятою своимъ дѣломъ и безмолвною (2 Кор. 11, 2.).

Есть у насъ и поясъ. Для чего же мы носимъ его? Поясъ, который мы носимъ, есть символъ, во первыхъ, того, что мы готовы на дѣло: ибо каждый, желающій что-либо дѣлать, сперва опоясывается и потомъ начинаетъ дѣло, какъ и Господь говоритъ: *да будутъ чресла ваша препоясана* (Лук. 12. 35); во вторыхъ, для того, что какъ поясъ взятъ отъ мертваго тѣла, такъ и мы должны умертвить похоть нашу: ибо поясъ носится на чрес-

лахъ нашихъ, а тамъ находятся и почки, въ которыхъ, какъ говорятъ, заключается вождѣлѣвательная (сила) души, и сіе то есть сказанное Апостоломъ: *умертвите уды ваша, яже на земли, блудъ, нечистоту* и проч. (Кол. 3, 5).

Имѣемъ также и аналавъ, который полагается на плечахъ нашихъ крестообразно. А сіе значитъ, что мы носимъ на раменахъ нашихъ знаменіе креста, какъ говоритъ (Господь): *возми крестъ свой и послѣдуй ми* (Марк. 6, 34). Что же есть крестъ?—Не что иное, какъ совершенное умерщвленіе, которое совершается въ насъ вѣрою во Христа. Ибо вѣра, какъ сказано въ Отечникѣ,*) всегда уничтожаетъ препятствіе и дѣлаетъ для насъ удобнымъ тотъ подвигъ, который ведетъ насъ къ таковому совершенному умерщвленію, т. е. (къ тому), чтобы человѣкъ умеръ для всего мірскаго. И если онъ оставилъ родителей, то пусть подвизается и противъ пристрастія (къ нимъ); также, если кто отрекся отъ имѣній и пріобрѣтеній и (вообще) отъ какой-либо вещи, то онъ долженъ отречься и отъ самаго пристрастія своего, какъ мы уже сказали; въ семъ-то и состоитъ священное отреченіе.

Надѣваемъ мы и кукуль, который есть символъ смиренія. Кукули носятъ малые (и незлобивые) младенцы, а человѣкъ совершеннолѣтній кукуля не носитъ: мы же носимъ оный для того, чтобы младенчествовать злобою, какъ сказалъ Апостолъ: не *дѣти бывайте умы: по злобою младенствуйте* (1 Кор. 14, 20). Что же значитъ мла-

---

*) Отечникъ (патерикъ)—книга, въ которой собраны сказанія о подвигахъ и изреченія св. Отцевъ.

действовать злобою? Незлобивый младенецъ, если будетъ обезчещенъ, не гнѣвается, и если почтенъ будетъ, не тщеславится. Если кто возметъ принадлежащее ему, онъ не печалится: ибо младенчествуетъ злобою, не метитъ за оскорбленія и не ищетъ славы. Кукуль есть также подобіе благодати Божіей, потому что какъ кукуль покрываетъ и грѣетъ главу младенца, такъ и благодать Божія покрываетъ умъ нашъ, какъ сказано въ Отечникѣ: кукуль есть символъ благодати Бога, Спасителя нашего, покрывающей наше владычественное (умъ) и охраняющей наше о Христѣ младенчество отъ демоновъ, старающихся всегда противиться намъ и низвергать насъ. — Вотъ, мы имѣемъ около чреслъ нашихъ поясъ, который означаетъ умерщвленіе неразумной похоти, и на плечахъ аналавъ, т. е крестъ. Вотъ и кукуль, который есть символъ незлобія и младенчества о Христѣ.

И такъ, будемъ жить сообразно съ одѣяніемъ нашимъ, чтобы, какъ сказали Отцы, не оказалось, что мы носимъ чуждое одѣяніе, но, какъ мы оставили великое, такъ оставимъ и малое. Мы оставили міръ, оставимъ и пристрастіе его. Ибо пристрастія, какъ я сказалъ, и маловажными и обыкновенными вещами, не стоющими никакого вниманія, опять привязываютъ насъ къ міру и соединяютъ съ нимъ, а мы не разумѣемъ этого. Посему, если мы хотимъ совершенно измѣниться и освободиться (отъ міра), то научимся отсѣкать хотѣнія наши и такимъ образомъ, мало по малу, съ помощію Божіею, мы преуспѣемъ и достигнемъ безстрастія. Ибо ничто не приноситъ такой пользы людямъ, какъ отсѣченіе своей воли, и поистинѣ отъ сего человѣкъ преуспѣваетъ болѣе, нежели отъ всякой другой добро-

дѣтели. И какъ человѣкъ, который идетъ путемъ, найдя на немъ жезлъ и взявъ его, съ помощію этого жезла удобнѣе проходитъ остальную часть пути своего; такъ бываетъ и съ тѣмъ, кто идетъ путемъ отсѣченія своей воли. Ибо отсѣченіемъ своей воли онъ пріобрѣтаетъ безпристрастіе, а отъ безпристрастія приходитъ, съ помощію Божіею, и въ совершенное безстрастіе. Можно и въ краткое время отсѣчь десять хотѣній своихъ. И скажу вамъ, какъ это.

Положимъ, что кто-нибудь, пройдя небольшое разстояніе, увидѣлъ что-либо, и помыслъ говоритъ ему: «посмотри туда.» А онъ отвѣчаетъ помыслу: «истинно не хочу смотрѣть,» и отсѣкаетъ хотѣніе свое и не смотритъ. Или находитъ празднословящихъ между собою, и помыслъ говоритъ ему: «скажи и ты такое-то слово,» а онъ отсѣкаетъ хотѣніе свое и не говоритъ. Или говоритъ ему помыслъ: «пойди, спроси повара, что̀ онъ варитъ,» а онъ пойдетъ и отсѣкаетъ хотѣніе свое. Онъ видитъ что-нибудь, и помыслъ говоритъ ему: «спроси, кто принесъ это,» а онъ отсѣкаетъ хотѣніе свое и не спрашиваетъ. И отсѣкая такимъ образомъ (свою волю), онъ приходитъ въ навыкъ отсѣкать ее и, начиная съ малаго, достигаетъ того, что и въ великомъ отсѣкаетъ ее безъ труда и спокойно, и такъ начинаетъ наконецъ вовсе не имѣть своей воли, и что̀ бы ни случилось, онъ бываетъ спокоенъ, какъ будто исполнилось его собственное желаніе. И тогда, какъ онъ не хочетъ исполнять свою волю, оказывается, что она всегда исполняется. Ибо кто не имѣетъ своей собственной воли, для того все, что съ нимъ ни случается, бываетъ согласно съ его волею. Такимъ образомъ выходитъ, что онъ не имѣетъ пристрастія, а

отъ безпристрастія, какъ я сказалъ, приходитъ въ безстрастіе. Видите ли, въ какое преуспѣяніе, мало по малу, приводитъ отсѣченіе своей воли.

Каковъ былъ прежде блаженный оный Досиѳей? Отъ какой роскоши и нѣги (пришелъ онъ)? Онъ даже никогда не слыхалъ слова Божія, однако же вы слышали, въ какую мѣру (духовнаго возраста) привело его въ короткое время блаженное послушаніе и отсѣченіе своей воли, и какъ Богъ его прославилъ, и не попустилъ таковой его добродѣтели придти въ забвеніе, но открылъ о ней одному святому старцу, который и видѣлъ Досиѳея посреди всѣхъ оныхъ Святыхъ, наслаждающагося ихъ блаженствомъ. Разскажу вамъ и другое подобное событіе, случившееся при мнѣ, дабы вы узнали, что блаженное послушаніе и отсѣченіе своей воли избавляетъ человѣка и отъ смерти. Однажды, когда я еще былъ въ обители Аввы Серида, пришелъ туда ученикъ одного великаго Старца изъ страны Аскалонской съ нѣкоторымъ порученіемъ отъ своего Аввы. Старецъ далъ ему заповѣдь возвратиться въ свою келлію до вечера. Между тѣмъ поднялась сильная буря съ дождемъ и громомъ, и протекавшій вблизи потокъ поднялся въ уровень съ берегами. Братъ, помня слова своего Старца, хотѣлъ идти обратно; мы просили его остаться, полагая, что ему невозможно безопасно перейдти потокъ; но онъ не согласился остаться съ нами. Тогда мы сказали: пойдемъ вмѣстѣ съ нимъ до потока; когда онъ увидитъ его, то самъ возвратится. И такъ мы пошли съ нимъ, и когда дошли до рѣки, онъ снялъ одежду свою, привязалъ ее на головѣ своей, опоясался параманикомъ и бросился въ рѣку,—въ эту страшную быстрину. Мы стояли въ

ужасъ, трепеща (за него), какъ бы онъ не утонулъ; но онъ продолжалъ плыть и весьма скоро очутился на другой сторонѣ, одѣлся въ свою одежду, поклонился намъ оттуда, прощаясь съ нами, и пошелъ скоро, продолжая путь свой. А мы стояли въ изумленіи и удивлялись силѣ добродѣтели: тогда какъ мы отъ страха едва могли смотрѣть на рѣку, онъ безопасно переплылъ ее за послушаніе свое.

(Такъ же) и тотъ братъ, котораго послалъ Авва его, по ихъ надобностямъ, въ село къ служившему имъ (Бога ради), когда увидѣлъ себя влекомымъ дочерію его къ постыдному совокупленію, сказалъ только: «Боже, молитвами Отца моего спаси меня,» и тотчасъ очутился на пути въ скитъ, идя къ Отцу своему. Видите ли силу добродѣтели? Видите ли дѣйствіе слова? Какая помощь заключается въ томъ, чтобы призывать молитвы Отца своего? Онъ сказалъ только: «Боже, молитвами Отца моего спаси меня,» и тотчасъ очутился на пути. Обратите же вниманіе на смиреніе и благочестіе обоихъ. Они были въ стѣсненномъ положеніи, и Старецъ хотѣлъ послать брата къ служившему имъ, но не сказалъ: «пойди,» а спросилъ его: «хочешь ли идти?» Также и братъ не сказалъ: «пойду,» но отвѣчалъ ему: «какъ ты желаешь, Отче, такъ и сдѣлаю»; ибо онъ боялся и соблазниться, и ослушаться Отца своего. Потомъ, когда нужда еще болѣе стѣснила ихъ, Старецъ сказалъ ему: «встань и пойди, сынъ мой,» и не сказалъ ему: «уповаю на Бога моего, что Онъ сохранитъ тебя,» но: «уповаю на молитвы Отца моего, что Богъ сохранитъ тебя.» Также и братъ, когда увидѣлъ себя въ искушеніи, не сказалъ: «Боже мой, спаси меня,» но—«Боже! мо-

литвъ ради Отца моего, спаси меня». И каждый изъ нихъ уповалъ на молитвы Отца своего.

Видите ли, какъ они послушаніе совокупили со смиреніемъ? Ибо какъ въ запряженной колесницѣ одинъ конь не можетъ опередить другаго, иначе сломается колесница; такъ и послушанію нужно, чтобы съ нимъ сопряжено было смиреніе. Но кто можетъ сподобиться сей благодати, если, какъ я сказалъ, не понудитъ себя отсѣчь свою волю и не предастъ себя, Бога ради, своему Отцу, ни въ чемъ не сомнѣваясь, но дѣлая все, что ни говорятъ они (т. е. Отцы), съ увѣренностію, какъ бы слушая самаго Бога. Кто иной достоинъ быть помилованнымъ? Кто достоинъ спастись?

Разсказываютъ, что однажды Святый Василій *), посѣщая свои монастыри, сказалъ одному изъ своихъ Игуменовъ: «имѣешь ли ты у себя кого-нибудь изъ спасающихся»? Авва отвѣчалъ ему: «твоими святыми молитвами, Владыко, всѣ мы желаемъ спастись.» Святый Василій сказалъ ему опять: «имѣешь ли кого-нибудь изъ спасающихся, говорю я»? Тогда Игуменъ понялъ силу (вопроса), ибо и самъ былъ мужъ духовный, и сказалъ: «да, имѣю.» Святый Василій говоритъ ему: «приведи его сюда.» И Игуменъ позвалъ таковаго брата. Когда же онъ пришелъ, Святый сказалъ ему: «дай мнѣ воды умыться.» Тотъ пошелъ и принесъ ему умыться. Умывшись, Святый Василій взялъ самъ умывальницу съ водою и сказалъ брату: «на, умойся и ты». И братъ принялъ умовеніе отъ Святаго безъ всякаго сомнѣнія. Испытавъ его въ этомъ, Святый сказалъ ему опять:

---

*) Въ Греч. кн.: Великій.

«когда я войду въ святилище, приди и напомни мнѣ, чтобы я рукоположилъ тебя во священника». И онъ опять послушался его безъ разсужденія; и когда увидѣлъ Святаго Василія внутри святилища, онъ пошелъ и напомнилъ ему, и тотъ посвятилъ его и взялъ съ собою. Ибо кому и подобало быть съ онымъ святымъ и Богоносимъ мужемъ, какъ не такому благословенному брату? А вы не имѣете опыта въ несомнѣнномъ послушаніи, и не знаете покоя, отъ него (происходящаго).

Однажды спросилъ я Старца Авву Іоанна, бывшаго ученикомъ Аввы Варсануфія, и сказалъ: «Владыко, такъ какъ Писаніе говоритъ, что *многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царство небесное* (Дѣян. 14, 22), а я вижу, что не имѣю никакой скорби, то что мнѣ дѣлать, дабы не погубить души моей»? Потому что я не имѣлъ никакой печали. Если же и случалось мнѣ имѣть какой-нибудь помыслъ, то я бралъ дощечку и писалъ къ Старцу; (ибо) когда я еще не служилъ ему, то вопрошалъ его письменно *), и прежде чѣмъ я оканчивалъ писать, чувствовалъ уже облегченіе и пользу: такъ велико было мое безпечаліе и спокойствіе. А я, не зная силы добродѣтели и слыша, что *многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царство небесное*, боялся того, что не имѣлъ скорби. И такъ, когда я объяснилъ это Старцу, онъ отвѣчалъ мнѣ: «не скорби, тебѣ не о чемъ безпокоиться: каждый, предавшій себя въ послушаніе Отцамъ, имѣетъ такое безпечаліе и покой.» — Богу же нашему да будетъ слава во вѣки. Аминь.

---

*) Сіи вопросы Аввы Дороѳея и отвѣты ему Старцевъ помѣщены ниже.

ПОУЧЕНІЕ ВТОРОЕ.

О смиренномудріи.

Нѣкто изъ Старцевъ сказалъ: «прежде всего нужно намъ смиренномудріе, чтобы быть готовыми на каждое слово, которое слышимъ, сказать: *прости*; ибо смиренномудріемъ сокрушаются всѣ стрѣлы врага и сопротивника. Изслѣдуемъ, какое значеніе имѣетъ слово Старца; почему онъ говоритъ, что прежде всего нужно намъ смиренномудріе, а не сказалъ, что прежде нужно воздержаніе? Ибо Апостолъ говоритъ: *подвизаяйся отъ всѣхъ воздержится.* (1 Кор. 9, 25). Или почему не сказалъ Старецъ, что прежде всего нуженъ намъ страхъ Божій? Ибо въ Писаніи сказано: *начало премудрости страхъ Господень* (Пс. 110, 9) и опять: *страхомъ Господнимъ уклоняется всякъ отъ зла* (Прит. 15, 27). Почему не говоритъ онъ, что прежде всего нужна намъ милостыня или вѣра? Ибо сказано: *милостынями и вѣрами очищаются грѣхи* (Прит. 15, 27.), и Апостолъ говоритъ: *безъ вѣры невозможно угодити Богу* (Евр. 11, 6). И такъ, если безъ вѣры невозможно угодить Богу, и милостынями и вѣрою очищаются грѣхи, и если страхомъ Господнимъ уклоняется всякъ отъ зла, и начало премудрости страхъ Господень, и подвизающійся отъ всего долженъ воздерживаться: то какъ же (Старецъ) говоритъ, что прежде всего нужно намъ смиренномудріе, и оставилъ все сіе столь нужное? Старецъ хочетъ показать намъ симъ, что ни самый страхъ Божій, ни милостыня, ни вѣра, ни воздержаніе, ни другая какая-либо добродѣтель не можетъ быть совершена

безъ смиреномудрія. Вотъ почему говоритъ онъ: прежде всего нужно намъ смиреномудріе,—чтобы быть готовыми на каждое слово, которое слышимъ, сказать: *прости;* ибо смиреномудріемъ сокрушаются всѣ стрѣлы врага и противника. Вотъ, видите, братія, какъ велика сила смиреномудрія; видите,какое дѣйствіе имѣетъ слово: *прости.* Почему же діаволъ называется не только врагомъ, но и противникомъ. Врагомъ называется онъ потому, что онъ человѣконенавистникъ, ненавистникъ добра и клеветникъ; противникомъ же называется потому, что онъ старается препятствовать всякому доброму дѣлу. Хочетъ ли кто помолиться, а онъ противится и препятствуетъ ему злыми воспоминаніями, развлеченіемъ и уныніемъ. Хочетъ ли кто подать милостыню, а онъ препятствуетъ сребролюбіемъ и скупостью. Хочетъ ли кто бодрствовать, а онъ препятствуетъ лѣностью и разсѣяніемъ; и такъ во всякомъ дѣлѣ сопротивляется намъ, когда хотимъ сдѣлать доброе. По этому онъ и называется не только врагомъ, но и противникомъ. Смиреномудріемъ же сокрушаются всѣ оружія врага и противника. Ибо поистинѣ велико смиреномудріе, и каждый изъ Святыхъ шествовалъ путемъ его, и трудомъ сокращалъ путь свой, какъ говоритъ Псалмопѣвецъ: *виждь смиреніе мое и трудъ мой, и остави вся грѣхи моя* (Пс. 24, 18), и: *смирихся, и спасе мя Господь* (Пс. 114, 6). Впрочемъ смиреніе и одно можетъ ввести насъ въ царствіе, какъ сказалъ Старецъ Авва Іоаннъ, но только медленно.

И такъ, смиримся и мы немного, и спасемся. Если мы, какъ немощные и не можемъ трудиться, то постараемся смириться, и вѣрую въ милость Божію, что и за то малое, совершаемое нами со смиреніемъ, будемъ

и мы въ мѣстахъ оныхъ Святыхъ, много потрудившихся и работавшихъ Богу. Пусть мы немощны и не можемъ трудиться: но не ужели мы не можемъ и смириться? Блаженъ, братія, кто имѣетъ смиреніе:—велико смиреніе. Хорошо также означилъ оный Святый имѣющаго истинное смиреніе, говоря, что смиреніе ни на кого не гнѣвается, и никого не прогнѣвляетъ, и считаетъ это совершенно чуждымъ себѣ. Велико, какъ мы сказали, смиреніе, ибо оно одно сопротивляется тщеславію и хранитъ отъ него человѣка. А гнѣваются обыкновенно или за имѣнія или за снѣди; какъ же Старецъ говоритъ, что смиреніе ни на кого не гнѣвается и никого не прогнѣвляетъ? Смиреніе велико, какъ мы сказали, и сильно привлечь въ душу благодать Божію. Благодать же Божія, пришедши, покрываетъ душу отъ двухъ тяжкихъ вышеупомянутыхъ страстей. Ибо что можетъ быть болѣе тяжкимъ, какъ гнѣваться и прогнѣвлять ближняго? какъ нѣкто сказалъ: монахамъ вовсе несвойственно гнѣваться, равно и прогнѣвлять другихъ. Ибо поистинѣ, если такой (т. е. гнѣвающійся или прогнѣвляющій другихъ) вскорѣ не покроется смиреніемъ, то онъ, мало по малу, приходитъ въ состояніе бѣсовское, смущая другихъ и смущаясь (самъ). Посему-то сказалъ (Старецъ), что смиреніе не гнѣвается и не прогнѣвляетъ. Но что я говорю, будто смиреніе покрываетъ (только) отъ двухъ страстей,—оно покрываетъ душу и отъ всякой страсти и отъ всякаго искушенія.

Когда Святый Антоній увидѣлъ распростертыми всѣ сѣти діавола и, вздохнувъ, вопросилъ Бога: «кто же избѣгнетъ ихъ?» то отвѣчалъ ему Богъ: «смиреніе избѣгаетъ ихъ,» а что еще болѣе удивительно, — присово-

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

купилъ: «онъ даже и не прикасаются ему.» Видишь ли благодать сей добродѣтели? Поистинѣ нѣтъ ничего крѣпче смиренномудрія, ни что не побѣждаетъ его. Если со смиреннымъ случится что-либо скорбное, онъ тотчасъ обращается къ себѣ, тотчасъ осуждаетъ себя, что онъ достоинъ (того), и не станетъ укорять никого, не будетъ на другаго возлагать вину; и такимъ образомъ переноситъ (случившееся) безъ смущенія, безъ скорби, съ совершеннымъ спокойствіемъ, а потому и не гнѣвается и никого не прогнѣвляетъ. И такъ, хорошо сказалъ Святый, что прежде всего нужно намъ смиренномудріе. Смиренія же два, также какъ и двѣ гордости. Первая гордость есть та, когда кто укоряетъ брата, когда осуждаетъ и безчеститъ его, какъ ничего незначущаго, а себя считаетъ выше его; таковый, если не опомнится вскорѣ и не постарается исправиться, то, мало по малу, приходитъ и во вторую гордость, такъ что возгордится и противъ самаго Бога, и подвиги и добродѣтели свои приписываетъ себѣ, а не Богу, какъ будто самъ собою совершилъ ихъ, своимъ знаніемъ и умомъ, а не помощію Божіею. Поистинѣ, братія мои, знаю я одного, пришедшаго нѣкогда въ сіе жалкое состояніе. Сначала, если кто изъ братій говорилъ ему что-либо, онъ уничижалъ каждаго и возражалъ: «что значитъ такой-то? нѣтъ никого (достойнаго), кромѣ Зосимы и подобнаго ему.» Потомъ началъ и сихъ охуждать и говорить: «нѣтъ никого (достойнаго), кромѣ Макарія.» Спустя немного, началъ говорить: «что такое Макарій? нѣтъ никого (достойнаго), кромѣ Василія и Григорія.» Но скоро началъ охуждать и сихъ, говоря: «что такое Василій? и что такое Григорій? нѣтъ никого (достойнаго),

кромѣ Петра и Павла.» Я говорилъ ему: «по истинѣ, братъ, ты скоро и ихъ станешь уничижать.» И повѣрьте мнѣ, чрезъ нѣсколько времени онъ началъ говорить: «что такое Петръ? и что такое Павелъ? Никто ничего не значитъ, кромѣ Святой Троицы.» Наконецъ возгордился онъ и противъ самаго Бога, и такимъ образомъ лишился ума. Посему-то должны мы, братія мои, подвизаться всѣми силами нашими противъ первой гордости, дабы, мало по малу, не впасть и въ совершенную гордыню.

Гордость же бываетъ мірская и монашеская: мірская гордость есть та, когда кто гордится предъ братомъ своимъ, что онъ богаче или красивѣе его, или что носитъ лучшую, нежели тотъ, одежду, или что онъ благороднѣе его. И такъ, когда мы видимъ, что тщеславимся сими (преимуществами), или тѣмъ, что монастырь нашъ больше, или богаче (другихъ), или что въ немъ много братіи: то мы должны знать, что находимся еще въ мірской гордости. Случается также, что тщеславятся какими-либо природными дарованіями: иной, на примѣръ, тщеславится тѣмъ, что у него хорошъ голосъ и что онъ хорошо поетъ, или что онъ скроменъ, усердно работаетъ и добросовѣстенъ въ служеніи. Сіи преимущества лучше первыхъ, однако и это мірская гордость. Монашеская же гордость есть та, когда кто тщеславится, что онъ упражняется во бдѣніи, въ постѣ, что онъ благоговѣйнъ, хорошо живетъ и тщателенъ. Случается также, что иной и смиряется для славы. Все сіе относится къ монашеской гордости. Прилично намъ вовсе не гордиться; или покрайней мѣрѣ пусть иной гордится монашескими (преимуществами), а не мірскими.

Вотъ, мы сказали, что такое первая гордость, и что вторая; сказали также, что такое мірская гордость, и

что монашеская. Разсмотримъ теперь, въ чемъ состоятъ и два смиренія. Первое смиреніе состоитъ въ томъ, чтобы почитать брата своего разумѣе себя и по всему превосходѣе, и однимъ словомъ, какъ сказалъ оный Святый, чтобы почитать себя ниже всѣхъ. Второе же смиреніе состоитъ въ томъ, чтобы приписывать Богу свои подвиги,—сіе есть совершенное смиреніе Святыхъ. Оно естественно раждается въ душѣ отъ исполненія заповѣдей. Ибо какъ деревья, когда на нихъ бываетъ много плодовъ, то самые плоды преклоняютъ вѣтви къ низу и нагибаютъ ихъ; вѣтвь же, на которой нѣтъ плодовъ, стремится въ верхъ и растетъ прямо; есть же нѣкоторыя деревья, которыя не даютъ плода, пока ихъ вѣтви растутъ въ верхъ; если же кто возметъ камень, привѣситъ къ вѣтви и нагнетъ ее къ низу, тогда она дастъ плодъ: такъ и душа, когда смиряется, тогда приноситъ плодъ, и чѣмъ болѣе приноситъ плода, тѣмъ болѣе смиряется; ибо и Святые, чѣмъ болѣе приближаются къ Богу, тѣмъ болѣе видятъ себя грѣшными.

Помню, что мы бесѣдовали нѣкогда о смиреніи, и одинъ изъ знатныхъ (гражданъ) города Газы, слыша, какъ мы говорили, что чѣмъ болѣе кто приближается къ Богу, тѣмъ болѣе видитъ себя грѣшнымъ, удивлялся и говорилъ: какъ это можетъ быть? и, не понимая, хотѣлъ узнать, что значатъ эти слова? Я сказалъ ему: «именитый господинъ, скажи мнѣ, за кого ты считаешь себя въ своемъ городѣ»? Онъ отвѣчалъ: «считаю себя за великаго и перваго въ городѣ.» Говорю ему: «если же ты пойдешь въ Кесарію, за кого будешь считать себя тамъ»? Онъ отвѣчалъ: «за послѣдняго изъ тамошнихъ

вельможъ.» «Если же, говорю ему опять, ты отправиться въ Антіохію, за кого ты будешь тамъ себя считать?» «Тамъ, отвѣчалъ онъ, буду считать себя за одного изъ простолюдиновъ.» «Если же, говорю, пойдешь въ Константинополь и приблизишься къ царю, тамъ за кого ты станешь считать себя?» И онъ отвѣчалъ: «почти за ницаго.» Тогда я сказалъ ему: «вотъ такъ и святые, чѣмъ болѣе приближаются къ Богу, тѣмъ болѣе видятъ себя грѣшными. Ибо Авраамъ, когда увидѣлъ Господа, назвалъ себя землею и пепломъ (Быт. 18, 27.); Исаія же сказалъ: *окаянный и нечистый есмь азъ* (Ис. 6, 5); также и Даніилъ, когда былъ во рву со львами и Аввакуму, принесшему ему хлѣбъ и сказавшему: пріими обѣдъ, которой послалъ тебѣ Богъ, отвѣчалъ: и такъ вспомнилъ обо мнѣ Богъ. (Дан. 14, 36. 37). Какое смиреніе имѣло сердце его! Онъ находился во рву посреди львовъ и былъ невредимъ отъ нихъ, и притомъ не одинъ разъ, но дважды, и послѣ всего этого онъ удивился и сказалъ: и такъ вспомнилъ обо мнѣ Богъ!»

Видите ли смиреніе Святыхъ, и каковы ихъ сердца? Даже и будучи посылаемы отъ Бога на помощь людямъ, они отказывались по смиренію, избѣгая славы. Подобно тому, какъ облеченный въ шелковую *) одежду, если будетъ на него брошено нечистое рубище, бѣжитъ, чтобы не осквернилась драгоцѣнная его одежда: такъ и Святые, будучи облечены въ добродѣтели, убѣгаютъ человѣческой славы, чтобы не оскверниться ею. Ищущіе же славы подобны нагому, который постоянно желаетъ найдти хотя малое рубище или иное что-либо, дабы покрыть свой стыдъ: такъ и необлеченный въ добро-

*) Въ Греч. кн.: въ золотую.

дѣтели ищетъ славы человѣческой. И такъ Святые, будучи посылаемы Богомъ на помощь людямъ, по смиренію отказывались отъ сего. Моусей говорилъ: *молюся поставити иного могущаго, азъ бо есмь гугнивъ и косноязыченъ* (Исх. 4, 10). Іеремія же говорилъ: *юнъйшій есмь азъ* (Іер. 1, 6). И, однимъ словомъ, каждый изъ Святыхъ пріобрѣлъ сіе смиреніе, какъ мы сказали, чрезъ исполненіе заповѣдей. Никто не можетъ выразить словами, что такое сіе смиреніе, и какъ оно раждается въ душѣ, если человѣкъ не научится сему изъ опыта: изъ однихъ же словъ никто не можетъ сему научиться.

Нѣкогда Авва Зосима говорилъ о смиреніи, и какой-то софистъ, находившійся тутъ, слыша, что онъ говорилъ, и желая понять (это) въ точности, спросилъ его: «скажи мнѣ, развѣ ты не знаешь, что ты святъ? развѣ не знаешь, что имѣешь добродѣтели? Вѣдь ты видишь, какъ исполняешь заповѣди: какъ же ты, поступая такъ, считаешь себя грѣшнымъ?» Старецъ же не находилъ, какой дать ему отвѣтъ, а только говорилъ: «не знаю, что сказать тебѣ, но считаю себя грѣшнымъ.» Софистъ противорѣчилъ ему, желая узнать, какъ сіе можетъ быть. Тогда Старецъ, не находя, какъ ему это объяснить, началъ говорить ему съ своею святою простотою: «не смущай меня; я подлинно считаю себя такимъ.»

Видя, что Старецъ недоумѣваетъ, какъ отвѣчать софисту, я сказалъ ему: «не тоже ли это самое, какъ и въ софистическомъ и врачебномъ искусствахъ? Когда кто хорошо обучится искусству и занимается имъ, то по мѣрѣ упражненія въ ономъ, врачъ или софистъ пріобрѣтаетъ нѣкоторый навыкъ, а сказать не можетъ и не умѣетъ объяснить, какъ онъ сталъ опытенъ въ дѣлѣ:

душа пріобрѣла навыкъ, какъ я уже сказалъ, постепенно и нечувствительно, чрезъ упражненіе въ искусствѣ. Такъ и въ смиреніи: отъ исполненія заповѣдей бываетъ нѣкоторая привычка къ смиренію и нельзя выразить это словомъ.» Когда Авва Зосима услышалъ это, онъ обрадовался, тотчасъ обнялъ меня и сказалъ: «ты постигъ дѣло, оно точно такъ бываетъ, какъ ты сказалъ.» И софистъ, услышавъ эти слова, остался доволенъ и согласенъ съ ними.

И Старцы сказали намъ нѣчто, помогающее намъ уразумѣть смиреніе. Самое же состояніе, въ которое душа приходитъ отъ смиренія, никто не могъ объяснить. Такъ, когда Авва Агаѳонъ приближался къ кончинѣ, и и братія сказали ему: «и ты ли боишься, Отче?» Онъ отвѣчалъ: «сколько могъ, я понуждалъ себя сохранять заповѣди, но я человѣкъ, и почему могу знать, угодно ли дѣло мое Богу? Ибо иной судъ Божій, и иной человѣческій.» Вотъ, онъ открылъ намъ глаза, чтобы уразумѣть смиреніе, и указалъ путь, какъ его достигнуть: а какъ оно бываетъ въ душѣ, какъ я уже многократно говорилъ, никто не въ состояніи былъ сказать и не могъ изъяснить словами; развѣ только отъ дѣлъ душа можетъ сподобиться научиться сему нѣсколько. А что̀ приводитъ насъ къ смиренію, о томъ сказали Отцы. Ибо въ Отечникѣ написано: Одинъ братъ спросилъ Старца: что есть смиреніе?—Старецъ отвѣчалъ: смиреніе есть дѣло великое и Божественное; путемъ же къ смиренію служатъ труды тѣлесные, совершаемые благоразумно, то, чтобы считать себя ниже всѣхъ и постоянно молиться Богу—это путь къ смиренію; самое же смиреніе божественно и непостижимо.

Почему же Старецъ говоритъ, что тѣлесные труды приводятъ душу въ смиреніе? Какимъ образомъ тѣлесные труды дѣлаются душевными добродѣтелями? То, чтобы считать себя ниже всѣхъ, какъ мы уже сказали, сопротивляется демонамъ и первой гордости: ибо какъ можетъ считать себя бо̀льшимъ брата своего, или гордиться передъ кѣмъ либо, или укорить или уничижить кого либо тотъ, кто почитаетъ себя ниже всѣхъ? Также и то, чтобы молиться непрестанно, явно противится второй гордости: ибо очевидно, что смиренный и благоговѣйный, зная, что невозможно совершить никакой добродѣтели безъ помощи и покрова Божія, не перестаетъ всегда молиться Богу, чтобы Онъ сотворилъ съ нимъ милость. Ибо непрестанно молящійся Богу, если и сподобится совершить что-либо, знаетъ, почему онъ совершилъ сіе и не можетъ возгордиться, и не приписываетъ это своей силѣ, но всѣ свои успѣхи относитъ къ Богу, всегда благодаритъ Его и всегда призываетъ Его, трепеща, какъ бы ему не лишиться таковой помощи, черезъ что и обнаружится его немощь и безсиліе. И такъ онъ со смиреніемъ молится и молитвою смиряется: и чѣмъ болѣе преуспѣваетъ всегда въ добродѣтели, тѣмъ болѣе всегда смиряется; а по мѣрѣ того, какъ смиряется, получаетъ помощь и преуспѣваетъ чрезъ смиренномудріе.

Почему же Старецъ говоритъ, что тѣлесные труды приводятъ къ смиренію? Какое отношеніе имѣютъ тѣлесные труды къ расположенію души? Я объясню вамъ это. Такъ какъ душа, по преступленіи заповѣди, предалась, какъ говоритъ святый Григорій, прелести сластолюбія и самозаконія, и возлюбила тѣлесное, и нѣко-

торымъ образомъ стала какъ бы нѣчто единое съ тѣломъ и вся сдѣлалась плотію, какъ сказано: *не имать пребыти духъ мой въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть* (Быт. 6.), и бѣдная душа какъ бы состраждетъ тѣлу и соучаствуетъ во всемъ, что дѣлается въ тѣлѣ. Посему-то и сказалъ Старецъ, что и тѣлесный трудъ приводитъ душу въ смиреніе. Ибо иное расположеніе души у человѣка здороваго, и иное у больнаго, иное у алчущаго, и иное у насытившагося. Также опять иное расположеніе души у человѣка, ѣдущаго на конѣ, иное у сидящаго на престолѣ, и иное у сидящаго на землѣ, иное у носящаго красивую одежду, и иное у носящаго худую. И такъ трудъ смиряетъ тѣло, а когда тѣло смиряется, то вмѣстѣ съ нимъ смиряется и душа. Слѣдовательно хорошо сказалъ (Старецъ), что тѣлесный трудъ приводитъ къ смиренію. Посему когда Евагрій подвергся брани отъ хульныхъ помысловъ, то онъ, какъ мужъ разумный, зная, что хула происходитъ отъ гордости, и что когда смиряется тѣло, то съ вмѣстѣ нимъ смиряется и душа, провелъ сорокъ дней на открытомъ воздухѣ, такъ что тѣло его, какъ говоритъ его жизнеописатель, стало производить червей, подобно тому, какъ случается у дикихъ животныхъ, и такой трудъ онъ подъялъ не ради хулы, но ради смиренія. И такъ хорошо сказалъ Старецъ, что и тѣлесные труды приводятъ къ смиренію. — Благій Богъ да подастъ намъ смиреніе, ибо оно избавляетъ человѣка отъ многихъ золъ и покрываетъ его отъ великихъ искушеній. Богу слава и держава во вѣки. Аминь.

2004031375